

Когда Не Цзиин добрался до заброшенного храма, он был измучен страхом и едва переводил дыхание. Сяо Чэнцзы и Лю Гуа, увидев его, пришли в неописуемый восторг. Лю Гуа, который к этому моменту уже мог ходить, направился ему навстречу — да так легко и быстро, что Не Цзиин невольно изумился:

— Лю Гуа, ты... как это?

Лю Гуа с улыбкой ответил:

— С самого утра, как проснулся, могу ходить и прыгать! Просто невероятно. Должно быть, то вино, что ты дал мне вчера, подействовало. А я-то думал, что навсегда останусь калекой!

Не Цзиин сжал его руку и рассмеялся:

— Как хорошо! Раз тебе стало лучше, значит, и мне легче!

Закончив говорить, он направился к Юнь Чэню и Юнь Рухэ. Юнь Рухэ как раз очнулся, и Юнь Чэнь, с заботой глядя на дядю, накинул на него свой халат.

— Я достал пропуска, уходите немедленно! — выпалил Не Цзиин.

Он вынул из кармана две пластины и протянул их Юнь Чэню. Тот просиял, словно тяжелый камень упал с его души, и с радостью посмотрел на юношу:

— Маленький герой, благодарю тебя! Не знаю, как и отплатить за то, что ты так выручил нас!

— Время не ждет, уходите скорее. Люди Клана Фэн очень бдительны. Я чуть было не убил Фэн Е, но в последний момент... эх, неважно. Не оставайтесь здесь, это опасно. Я слышал, что Клан Фэн собирается отправить новую группу убийц! — сказал Не Цзиин.

Юнь Чэнь поспешно поднял Юнь Рухэ, и они вместе отвесили Не Цзиину земной поклон. Юнь Чэнь никак не ожидал, что, проснувшись, уже получит пропуска.

— Маленький герой, еще увидимся! — сказал он и вместе с племянником поспешно покинул храм, направляясь к следующему пограничному пункту.

Наконец-то Не Цзиин мог передохнуть. Он повалился на охапку сена. Лю Гуа и Сяо Чэнцзы, видя, что он выглядит изможденным, а одежда его сменилась, обеспокоенно спросили:

— Брат Цзиин, что случилось?

— И не спрашивайте, страшно даже вспомнить! — Не Цзиин попытался выровнять дыхание. Он вспоминал, как спасался бегством — все происходившее перед глазами казалось нереальным. Он был всего лишь обычным человеком и никогда не помышлял о каких-то великих свершениях.

Лю Гуа, присев рядом, спросил:

— Брат Цзиин, ты сам-то не пострадал?

— Все в порядке, все хорошо. Просто не хотел бы я пережить такое еще раз. Мне... мне теперь везде кажется небезопасно. Но я хотя бы отомстил за тебя, Лю Гуа: перерезал Фэн Е сухожилия на ногах. Потом он так кричал, что я в спешке полоснул его по горлу... не знаю, умер он или нет.

Рассказ Не Цзиина поверг остальных в шок — это было по-настоящему жутко. Лю Гуа закусил губу и улыбнулся:

— Главное, что ты цел. Мы правда очень испугались.

Сяо Чэнцзы поддакнул:

— И то верно. Брат Цзиин, ты ужасно устал, сегодня отдохни. Те дядя с племянником наконец ушли, вчера тоже было не по себе, мы до сих пор не пришли в себя.

— Угу.

Не Цзиин кивнул и снова лег на сено, вытер окровавленный нож о подол своей одежды и положил его рядом. Успокоившись, он погрузился в мысли об этой ночи — пережитое в Поместье Фэн останется в его памяти навсегда.

Маленькие нищие, жившие в храме, не могли попрошайничать из-за введенного в столице военного положения, поэтому целыми днями пропадали в убежище. В свободное время они мастерили рогатки, ловили птиц и рыб, гонялись за зайцами. Не Цзиин присоединился к ним, и ненадолго на душе стало легче.

Поймав рыбу, они вернулись к храму разводить костер. Не Цзиин стал шарить по карманам, но нефритового кулона с драконом, который подарил Юнь Чэнь, при нем не оказалось — он отдал его на хранение Сяо Чэнцзы.

Единственной ценной вещью, которую он носил с собой, был темляк от меча, подаренный учителем. Но теперь и его не было. Не Цзиин был в отчаянии, он напряженно вспоминал, где мог его оставить. Заметив его тревогу, Лю Гуа спросил:

— Брат Цзиин, что такое?

— Мой темляк... тот, что подарил учитель, пропал! Я... кажется, я припоминаю, — Не Цзиин лихорадочно соображал и наконец охнул: — Черт, я оставил его в Поместье Фэн!

Стиснув зубы, он вскочил:

— Я схожу туда и быстро вернусь!

Лю Гуа, поняв, что тот собрался обратно в поместье, схватил его за руку:

— Сейчас нельзя! Не будь безрассудным. В столице сейчас облавы, все перекрыто, это ловушка, они только того и ждут! Ты что, с ума сошел? Подожди хоть немного!

— Они вряд ли ожидают, что я вернусь, думаю, проблем не будет! — твердо ответил Не Цзиин.

Он был непреклонен:

— Ждите меня!

Темляк был для него самой важной вещью, памятным подарком от учителя.

Но всё оказалось именно так, как предсказывал Лю Гуа: столица Янся превратилась в настоящую клетку, повсюду были расставлены караулы. Боясь, что его узнают, Не Цзиин

вымазал лицо дорожной пылью, сорвал с пояса бирку и пробирался вперед, постоянно оглядываясь.

Вскоре опустилась тьма. Ночь была непроглядной, без звезд и луны, густая и давящая, от которой кровь стыла в жилах — страшнее самой смерти.

Второй раз за день оказавшись в Поместье Фэн, Не Цзиин чувствовал себя иначе. Он стал осторожнее и уже знал, где располагается охрана.

Он помнил, где обронил вещь — в комнате Фэн Е. Но поместье превратилось в капкан, ожидающий свою жертву.

Как только Не Цзиин нашел темляк, его тут же окружили люди с обнаженными клинками. В ту же ночь его бросили в темницу.

Фэн Е, которого Не Цзиин едва не убил, не мог ходить из-за подрезанных сухожилий. Рана на горле оказалась неглубокой, и он выжил, хотя был до смерти напуган. Фэн Е еще не пришел в себя, а Не Цзиин уже томился в мрачной тюрьме, ожидая наказания от Клана Фэн.

Темляк, подаренный учителем, у него отобрали. Не Цзиин раскаивался лишь в одном — что не вонзил нож в Фэн Е поглубже.

Охранник, насмехаясь, сказал ему:

— Ты, сопляк, храбрости набрался немало, раз посмел тронуть молодого господина Фэн. Жди своей смерти! Хотя... может, ты и не умрешь, но жизнь твоя станет хуже смерти!

— Псы Клана Фэн! Даже после смерти я вернусь к вам призраком и отомщу!

От этих слов, сказанных с яростью, охранник содрогнулся. Взгляд Не Цзиина, свирепый, словно у дикого зверя, напугал его, и он поспешно ретировался.

Следующие два месяца Не Цзиин провел в пыточных застенках Клана Фэн. Это были два месяца во тьме, где жизнь казалась хуже смерти.

Пока Фэн Е не пришел в себя, старик Фэн отдал приказ перерезать Не Цзиину сухожилия на руках и ногах, чтобы тот сполна вкусил тех же страданий, а затем нанести сотни ударов плетью.

Странно, но на следующий день раны Не Цзиина затянулись, он был как новенький. В изумлении мучители продолжили истязания: использовали клейма, тиски для пальцев, ледяную воду и огонь, морили голодом, пытались выведать, куда скрылись Юнь Чэнь и Юнь Рухэ. Не Цзиин молчал, но раны исчезали вновь и вновь. Некоторые начали бояться, шептались, что в юношу вселился дух бессмертного, и остерегались его трогать. И лишь сам Не Цзиин знал, что это действие выпитого им вина «Фушэн И» еще не угасло, помогая ему исцеляться.

Очнувшийся Фэн Е, чье здоровье уже нельзя было восстановить, сошел с ума от ярости. Он приказал каждый день приносить его в камеру, чтобы смотреть, как мучают Не Цзиина. Каждый раз, когда на теле пленника появлялась новая рана, Фэн Е разражался безумным хохотом. А если Не Цзиин терял сознание, его обливали водой, чтобы продолжить пытку.

Вскоре Фэн Е стал еще более бесчеловечным: он приказывал вырезать куски плоти из тела Не

Цзиина и подавать их к своему столу как закуску. Не Цзиин чувствовал, как острый нож скребет по костям, словно тысячи иголок вонзаются в тело. Боль была такой ясной и острой, что в голове гудело, будто он побывал на краю ада. У него не оставалось сил ни о чем другом думать.

Фэн Е издевался:

— Не Цзиин, даже если у тебя три головы и шесть рук, ты все равно будешь ползать у моих ног! Даже если в тебя вселился бог и ты восстанавливаешься, пока ты здесь, я буду мучить тебя каждый день! Рано или поздно я найду тех дядю с племянником и заставлю их страдать вместе с тобой. У тебя ведь были подельники? Наверняка те нищие, которым я переломал кости — они тоже сдохнут в муках!

Не Цзиин, висевший на цепях, дернулся. Его глаза, скрытые в спутанных волосах, наполнились жутким блеском:

— Фэн Е, я рано или поздно убью тебя!

Этот крик, полный такой ярости, что казалось, цепи вот-вот лопнут, потряс стены тюрьмы. Фэн Е от страха едва не потерял сознание.

— Бейте его! Забейте до смерти! — в ужасе закричал он.

Не Цзиин думал, что смерть была бы избавлением от этой бесконечной боли. Его чувства притупились, и лишь крохотный огонек внутри не давал ему угаснуть окончательно.

Ночью его бросали обратно в камеру. Охранник, приносивший еду, дрожал от страха перед этим человеком, казавшимся бессмертным. Он сложил руки в молитвенном жесте:

— Я наговорил лишнего, не знал, что вы — небожитель. Мы лишь выполняли приказ. Если вы вознесетесь, прошу, не преследуйте меня. А господин Фэн... он же нелюдь, хуже собаки, я здесь ни при чем!

В камере, как обычно, было темно и грязно, масляная лампа в коридоре мерцала, как призрачный огонь в аду. В соломе копошились крысы и скорпионы, время от времени жала Не Цзиина.

Потеряв счет дням, Не Цзиин, чье тело было изувечено, но на утро вновь становилось целым, однажды увидел ухмылку охранника и почувствовал прилив холодной ненависти. Внезапно он набросился на него, как голодный волк, и со всей оставшейся силой вцепился в горло. Охранник, не ожидавший атаки, был мертв.

Не Цзиин забрал ключи, прохрипев:

— Вы все сдохнете!

Открыв дверь, он потащил свое израненное тело прочь. Никто не ожидал, что пленник сам выйдет из камеры — охранять его боялись, поэтому коридоры были пусты.

Выйдя на свет, Не Цзиин зажмурился от боли, но это ощущение было таким живым! Он наконец-то выбрался из этого ада. Душа его была охвачена смятением, он даже не знал, сколько времени провел в заточении.

По дороге он услышал, что Клан Фэн узурпировал власть, но их положение шатко, и Юнь Чэнь с Юнь Рухэ подняли восстание. Очевидно, дядя с племянником заручились поддержкой пограничных генералов.

Не Цзиин хотел лишь одного — вернуться в храм и уйти отсюда навсегда.

Он бежал, хотя тело еще не восстановилось. Выбравшись из города, он направился к храму. Прохожие сторонились человека в окровавленной одежде, но он, убедившись, что опасности нет, продолжал путь.

Глядя на еще не зашедшее солнце, он почувствовал, как тьма в его сердце немного отступила. Пусть ненависть не ушла, но он жив, а значит, есть надежда.

Приближаясь к храму, он удивился: почему не слышно ни смеха, ни единого звука? Раньше здесь всегда было шумно, а теперь — мертвая тишина. Даже деревья казались безжизненными. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах крови.

Не Цзиин замер. Он увидел храм. Никто не бегал вокруг, на земле лежали... трупы!

Он рванулся вперед, боясь поверить в увиденное. Его надежды разбились в одно мгновение, мир окрасился в серый цвет.

Он остановился, глядя на безжизненные тела маленьких нищих. Они были убиты недавно. Не Цзиин бросился к ним, выкрикивая имена:

— Гуцзы! Гуцзы! А-Хо! А-Хо!

Он проверял пульс у каждого, и с каждым разом сердце его обмирало. Все друзья погибли. Это было больнее, чем если бы с него заживо сдирали кожу.

Все пережитые за два месяца муки нахлынули разом. Не Цзиин рыдал, и слезы, казалось, оплакивали всё небо.

Внезапно небо заволокло тучами, прогремел гром, и хлынул ливень. Он опустился на колени перед Лю Гуа и Сяо Чэнцзы. Лю Гуа крепко обнимал Сяо Чэнцзы, пытаясь защитить его от удара, но оба они были мертвы.

Не Цзиин ясно представил картину резни. Вспомнив угрозы Фэн Е, он понял, кто виноват. Фэн Е ненавидел его, и эта ненависть была взаимной.

Здесь разлилось море крови. Сердце Не Цзиина разрывалось от боли. Улыбка Сяо Чэнцзы, самого младшего, стояла перед глазами. Как они могли поднять руку на такого ребенка!

Небо и земля оплакивали их, даже духи скорбели.

Он посмотрел на нефритовый кулон, который хранил Сяо Чэнцзы — теперь он был в крови. Ярость и ненависть закипели внутри, он выплюнул сгусток крови и вдруг разразился диким хохотом, в котором смешались слезы и безумие.

Не Цзиин окончательно обезумел и стал демоном. Он поклялся:

— Фэн Е! Клан Фэн! Я сотру вас с лица земли, и вы не найдете покоя даже в загробном мире!

Мир вокруг расплылся, чувства стали невыносимо тяжелыми, боль не унять. С этого дня яркая

луна больше не светила для него, осталась лишь скорбь.

Никто и представить не мог, что невинный юноша превратится в безжалостного демона-убийцу.

После той резни Не Цзиин исчез, но в столице появился человек в черном плаще, неуловимый, словно призрак. Одним лишь ножом он сеял хаос, блокировал войска Клана Фэн, нанося им огромные потери. Люди шептались о кровожадном демоне, лишенном чувств, не зная, что в этом ему помогал сам принц Мира Демонов, который лишь мелькнул и исчез.

Позже тело Фэн Е нашли в лесу — оно было разорвано на куски. Старик Фэн, узнав об этом, лишился чувств. Клан Фэн был обескровлен и бросил все силы на поимку убийцы.

Безумного Не Цзиина схватили, и Клан Фэн решил казнить его публично за государственную измену, чтобы устроить остальных. Именно тогда Звездный Владыка Фань Вэй и Цзюнь Бессмертных Сюань Ли вели свой разговор в небесах.

Никто не догадывался, что малейшее вмешательство Сюань Ли косвенно разрушило жизнь Не Цзиина. Это было не то, чего он хотел, и теперь Сюань Ли раскаивался.

Если человек умирает, куда он попадает?

В мире людей бродят неприкаянные души, а найдут ли они компанию в Хуанцюань?

Там встретятся усопшие, но прежде чем они успеют обменяться последними словами, Мэн По напоит их супом Реинкарнации, и они, забыв обо всем, улетят, словно дикие гуси, в неизвестность.

Я... умер?

Очнувшись, он почувствовал, словно прошла вечность.

В горах звучала мелодия флейты. Он смотрел на свои руки, не веря, что они настоящие. Сел, глядя на тонкое одеяло, укрывавшее его, и на белую одежду.

Осмотревшись — в комнате было чисто и светло, залито солнечным теплом — он ущипнул себя за руку.

— Больно! Значит, я не умер? Где я? Ничего не помню... только помню, что должна была быть казнь, а потом — темнота.

Мелодия снаружи была чистой и прозрачной, словно журчание ручья и шепот ветра.

Не Цзиин успокоился и улыбнулся. Он вспомнил одного человека — того, кто был выше мирской суеты, чье появление всегда было редким, но незабываемым. Только его учитель мог обладать таким духом.

Босиком он вышел из комнаты, следуя за звуками флейты.

Это был уже не тот лес, что он помнил, а тихий бамбуковый сад. Птицы пели, вода в ручье бежала, бамбук шумел.

Не Цзиин ступал по мягким опавшим листьям, касаясь гладких стеблей бамбука. Вдали сияло

озеро, в котором отражалось солнце. На камне у воды сидел человек с деревянной флейтой. Он играл, погруженный в музыку, свободный и безмятежный, словно великий мастер, которого невозможно постичь.

Его белые одежды сияли, как крылья лебедя. Не Цзиин, боясь, что видение исчезнет, сорвался с места и бросился вниз, вцепившись в него в объятиях.

Сюань Ли замер, музыка оборвалась. Он был удивлен, но где-то в глубине души почувствовал странную теплоту.

Не Цзиин, переживший столько горя, нашел в этом человеке единственную опору.

— Учитель.

Не Цзиин прижался к его плечу, чувствуя, как подступают слезы, но закусил губу, чтобы сдержаться.

— Цзиин, все в прошлом. Больше никто не посмеет тебя обидеть, — промолвил Сюань Ли. Он убрал флейту и погладил юношу по плечу, утешая его израненное сердце. Он знал, что тот слишком молод для таких испытаний.

— Угу. Раз учитель рядом, я больше не одинок.

Не Цзиин кивнул, глядя на чистое озеро. На душе стало светло, а прошлые печали развеялись, словно легкий туман.

Он не хотел разжимать объятий. Он думал, что умрет от руки палача, но учитель снова здесь. Теперь, даже если придет смерть, ему не о чем жалеть.

Сюань Ли мягко отстранил его и посмотрел в глаза:

— Цзиин, раньше я уделял тебе мало времени. В прошлый раз я ушел слишком поспешно, теперь я останусь подольше. Нам, учителю и ученику, наконец-то выпало время побыть вместе.

Не Цзиин кивнул:

— Это место, где вы живете?

— Можно сказать и так.

Звездный Владыка Фань Вэй позволил Сюань Ли остаться с Не Цзиином на семь дней, чтобы исцелить его душевные раны. Хотя Сюань Ли уже знал финал истории своего ученика, осознание того, через что прошел юноша, заставило его содрогнуться.